

Язык булыжника мне голубя понятней,
Здесь камни — голуби, дома — как голубятни,
И светлым ручейком течет рассказ подков
По звучным мостовым прабабки городов.
Здесь толпы детские — событий попрошайки,
Парижских воробьев испуганные стайки —
Клевали наскоро крупу свинцовых крох,
Фригийской бабушкой рассыпанный горох...

И в воздухе плывет забытая коринка,
И в памяти живет плетеная корзинка,
И тесные дома — зубов молочных ряд
На деснах старческих — как близнецы стоят.

Здесь клички месяцам давали, как котят,
А молоко и кровь давали нежным львят,
А подрастут они — то разве года два
Держалась на плечах большая голова!

Большеголовые — там руки поднимали
И клятвой на песке как яблоком играли.
Мне трудно говорить: не видел ничего,
Но все-таки скажу: я помню одного;

Он лапу поднимал, как огненную розу,
И, как ребенок, всем показывал занозу,
Его не слушали: смеялись кучера,
И грызла яблоки, с шарманкой, детвора,

Афиши клеили, и ставили капканы,
И пели песенки, и жарили каштаны,
И светлой улицей, как просекой прямой,
Летели лошади из зелени густой!

1923